

АВРОРА ЛИВРОВА

Эннато Стихио

Аврора Ливрова Эннато Стихио

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11302715

ISBN 9785447417413

Аннотация

В собрание сочинений вошли циклы стихов, охватывающие 2000 – 2024 годы в поэтическом творчестве автора. Часть этих произведений опубликованы ранее в составе тематических антологий Эннато Стихио: обряды вокруг нас, любовная лирика, ипостаси Родины и т. д., а также в ежегодных сборниках о животных, издаваемых благотворительной организацией «СОВет» («Мы в ответе за них», «Все они попадают в рай» и др.). Полный перечень антологий и сборников с участием автора размещён в конце книги.

Содержание

О названии сборника	6
Дымчатая Шкурка1	7
Поздняя осень	8
Пятница 13	9
Тихий вечер	11
Весенние размышления старой медведицы	13
Жизнь в пути	16
Путешествие к югу	18
Летняя прогулка	20
Непреложный закон	22
Прощёное воскресенье	24
«Времени капроновая нить...»	26
Лунный танец	28
Мой великий и могучий друг	29
«Последний класс поспешно пролетел...»	33
Этот город	35
Надвременное	37
Алюминиевое сердце	39
Автоманифест	39
Псевдогерой	40
Зебра	41
Насильно мил не будешь	42
Волчий цикл	42

Поздний союз	55
Два светила	56
Автобиография	60
Смысл жизни ⁴	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Эннато Стихио

Аврора Ливрова

© Аврора Ливрова, 2024

ISBN 978-5-4474-1741-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О названии сборника

Энна́то стихио – транскрипция греческого словосочетания, которое в переводе означает «девятая стихия».

Фонетическое и графическое сходство слова «стихио» со стихами добавляет каламбура, так как речь и впрямь о стихии, родной для поэзии.

Отчего эта стихия названа девятой

Во-первых, желая придумать неслыханное ранее продолжение существующих списков явлений, люди обыгрывают следующий порядковый номер: соревнуясь в оригинальности, разные независимые друг от друга понятия нарекаются шестым чувством, седьмым континентом или же пятым элементом. Поэтому я предпочла отступить на несколько единиц, предоставив другим постепенно выстраивать последовательность вновь изобретаемых стихий и заранее зарезервировав для себя пока ещё гарантированно вакантный №9.

Во-вторых, это моё любимое число.

Отчего стихия названа девятой по-гречески

Во-первых, это мой любимый язык.

Во-вторых, в России он не слишком популярен для изучения, а потому заглавие не будет толковаться широкой аудиторией однозначно и предоставит фантазии читателей вызывать ассоциации. Те же, кому станет любопытно узнать настоящее значение, отыщут этот текст.

Дымчатая Шкурка¹ ранняя лирика (избранное)

Здесь можно встретить и глагольную рифму, и наивные подходы к раскрытию темы, и пафосный слог в подражание классикам, и много чего ещё, чего не отыскать в других циклах. По мере взросления мои тексты постепенно становились сложнее – и по содержанию, и по форме. Закономерно и естественно, что, когда автор переходит на новую стадию творческой зрелости, собственные ранние произведения ему уже не так близки. Однако зная, что некоторым читателям, напротив, стихи, написанные мной в детстве, нравятся больше, чем более поздние, именно в силу их простоты, я считаю нужным оставить этот раздел в обновлённом издании сборника. Если же вам первые страницы книги не придутся по душе, вероятно, есть смысл сразу долистать до следующего цикла: вдруг с ним дела обстоят лучше?

¹ Сборник ранней лирики назван по первому псевдониму поэта, взятому в память о кошке Алисе.

Поздняя осень

Тёплый ветер дует в спину,
Листья тихо шелестят,
Чуть качаются осины,
И осенний аромат
Наполняет воздух бора.
Птицы тянутся на юг,
Пожелтели листья. Скоро
Придёт время снежных вьюг.
Заворчат в лесах метели,
И закружится пурга,
В белоснежные постели
Землю погрузят снега.
Разнесётся по долинам
Ветра северного стон
И навеет долгий, длинный,
Непробудный зимний сон.

2002

Пятница 13

Вечер пятницы настал,
И в лесу дремучем
Этой ночью будет бал.
Вот сгустились тучи,
Вдалеке изба видна
На ногах куриных.
Ведьма там живёт одна
Со времён старинных.
И такой царит уют
В ведьминой избушке!
В платяном шкафу живут
Мыши да лягушки.
А в больших котлах кипит,
Варится отрава.
Слева чёрный кот сидит,
Чёрный ворон – справа.
А в углу лежат метла,
Книга приворотов.
Наступает время зла
И ночных полётов.
Сушит пауков и змей
Ведьма, варит зелье.
Пригласит она чертей
И начнёт веселье.
Будет праздник тёмных сил!

Этой ночью встанут
Души мёртвых из могил
И опять воспрянут.
А когда взойдёт луна
На лесной опушке,
Рассмеётся сатана
В ведьминой избушке.

2003

Тихий вечер

Тихий вечер января.
Небо потемнело.
Под огнями фонаря
Снег искрится белый,
И барханами лежат
Пышные сугробы.
Над землёю снегопад
Закружился, чтобы
Лёд укрыть на мостовых
Тонкою порошей.
Деревца, ветвей своих
Под тяжёлой ношей,
Шапки снежные склонив,
Встали неподвижно.
Вечер сказочно красив!
А за ним неслышно
Ночь сгущается кругом,
Город тьмой скрывая;
Звёзды блещут... Но потом
С горизонта края
Солнце выглянет. Заря
Небеса осветит.
Это утро января
Шумный город встретит.

январь – февраль 2004

Весенние размышления старой медведицы

Когда зима завершена,
Когда весна уже «на старте»,
Вновь начинается весна,
Так хорошо проснуться в марте!
Волнуется медвежий нрав,
Покинув тесную берлогу
И спячку зимнюю прогнав.
Я снова чувствую тревогу —
Хоть много радостей весной,
Но и опасности повсюду,
Врагами полон лес родной.
Я осторожной очень буду,
Без осторожности никак,
Медведем быть совсем непросто.
Не проживет в лесу дурак,
Пусть даже он большого роста.
Куда важнее силы – ум;
Когда придет охотник в гости,
Ты не спасешься наобум
От огнестрельной длинной трости.
Не жди пощады от людей!
Хотя, в борьбе за выживание
И зверь становится злодей.

Всегда так было, с мироздания.
Лишь тот, кто смел, силен, хитёр,
Упрям, вынослив и проворен,
Тот, кто судьбе наперекор
Идёт, но все же ей покорен;
Кому счастливая звезда
Со дня рождения сверкает, —
Лишь тот, поверьте мне, всегда
Лишь тот живёт и выживает.
Достоинств этих всех набор —
Натура моего удела,
Ведь я жила, я до сих пор
Жива, и жизнь не надоела.
Имею опыт я большой,
Познала трудностей немало.
Но молодею я душой,
Хотя уже и старой стала,
Когда я чую аромат
Малины сладкой, мёда запах,
Смотрю, как стайка медвежат
На их еще нетвёрдых лапах
По тропке бегают лесной...
Весна! Весна всему начало,
Всё начинается весной!
И я напрасно заскучала:
Приятно снова шкуру греть
На ярком солнце. Бурых деток
Учить, чтоб глаз у них был впредь
Остёр, внимателен и меток.

Пусть набираются ума,
Пока жива старушка мама!
От неприятностей сама
Оберегаю их упрямо
И знаю: я ещё нужна.
Даёт мне силы мысль об этом.
Пришла ещё одна весна
После зимы и перед летом.

март – апрель 2004

Жизнь в пути

Земля вращается, как глобус,
И всё на свете как обычно:
Идёт по-прежнему автобус,
И Вася в нём – шофёр привычный.
Петляет длинная дорога —
Для Васи это всё равно.
Он по маршруту едет строго,
Но мыслями уже давно
Достиг шофёр конечной точки:
Примчался в город свой родной,
Жене навстречу, сыну, дочке.
Работа Васина виной
Их частой длительной разлуки.
В каких краях бы ни был он,
Его всегда терзают муки,
Что он с семьёй разъединён.
...Но, к сожалению для Васи,
Жена и дети далеки.
Автобус катится по трассе,
В окне маячат огоньки.
Вокруг меняются пейзажи,
Но Вася в мыслях о своём,
И он кругом не смотрит даже.
Они с напарником вдвоём
По назначению умело

Ведут автобус свой вперёд.
Они отлично знают дело!
Нажмут на газ мотор – мотор взревёт,
Рулём укажут направление,
Затем добавят скоростей.
Работают без утомленья,
И пассажиров, как гостей,
Они развозят деликатно
По сёлам и по городам.
Вся жизнь в пути: туда-обратно,
Побыли здесь, побыли там.

апрель 2004

Путешествие к югу

Пелёнка облаков густая
Небесную стянула гладь,
И журавлей пустилась стая
В чужих местах тепла искать.
Построенные ровным клином,
За вожаком летят вперёд.
В пути их непростом и длинном
Так много встретится невзгод,
Препятствий встретится им много —
Гроз, ураганных ветров, бурь...
Тяжёлой будет их дорога.
Пока же ясная лазурь
Ласкает птичек, утешая.
Сейчас на юг они спешат,
Но из того благого края
Потом отправятся назад.
Зачем? Что тянет их обратно,
Мешает дольше отдохнуть?
Что заставляет многократно
Пускаться вновь в опасный путь?
На Родине святая сила,
Она для птиц всего важней,
И с давних пор она манила
Неугомонных журавлей.
Они познали в полной мере

Все тяготы, но не страшны
Им риск, лишения, потери,
И с наступлением весны
Опять домой вернётся стая,
Свершив нелёгкий перелёт.
А ныне, к югу улетаю,
Она лишь крик протяжный шлёт.
Исполненный тоски, печали,
Звучит он в вышине небес,
Манит в заоблачные дали,
Где журавлиный след исчез.

2005

Летняя прогулка

К закату приближался день...
Брела я вдоль дороги.
Мой молчаливый спутник – тень,
Рисуя контур строгий
Моей фигуры, шла со мной
Ритмично и синхронно.
Стеснял дыханье летний зной,
Природы яркой лоно
Неброско радовало глаз.
Я шла, вокруг смотрела...
Не знала я, который час,
И не было мне дела
До времени. Оно вперёд
Неслось не уставая.
Хотя казалось мне, что ждёт
Планета вся большая
И целый мир застыл на миг,
А миг продлится годы.
Был тёплый воздух свеж и тих,
И счастье от свободы
Кружило голову. Мне так
Хотелось, чтобы вечер
Не знал конца! Замедлив шаг,
Я попросила ветер,
Чтоб он, мгновение продля,

Мою исполнил волю.
И пусть не вертится Земля,
Пока я не позволю!

25 января 2005

Непременный закон

На листьях ландышей роса
Июньским утром серебрится.
Блестят от солнца небеса,
А в облаках кружится птица.
В саду на яблоньке в цвету
Червяк пригрелся под корою.
Я кудри в косу заплету
И шляпкой голову прикрою,
Лишь только выбиться на бок
Неслушная сумеет чёлка.
На шею повяжу платок
В горошек, изо льна и шёлка,
И в сад на несколько минут
Я выйду.

В тот момент крылом
Разрезав воздух, точно кнут,
Одним лишь взмахом, напролом
Вдруг птица ринется с небес,
Нацелив к яблоньке полёт.
Червяк, что нагло в ствол залез,
Вгрызаться в глубь его начнёт.
Но беззащитная кора
Найдёт спасителя себе.
Узнает птица, что пора

Оставить след в чужой судьбе.
И ловкий клюв уже готов
Избавить дерево от мук.
Вот по стволу, как бой часов,
Победный разнесётся стук.
Его подхватит ветра свист,
И с ландышей спадет роса.
На яблоньке же каждый лист
На все зашепчет голоса:
«Цветущим деревом росла,
Но вот пришла ко мне беда:
Приполз червяк – источник зла,
Творец гнетущего вреда.
Жила в страданиях с тех пор,
Своей гибели ждала.
Сил не хватало дать отпор
Тирану моего ствола.
Я боль терпела долгий срок,
Пока он грелся под корой.
Нежданно в горе мне помог
Ты, о пернатый мой герой!

Пришло спасение извне.
Взмой ввысь и в воздухе зависни!
Таков закон: жизнь даришь мне,
Лишив другого права жизни».

Прощёное воскресенье

Зима была порой сурова,
И вьюги лютые мели,
Но ныне снежные оковы
Тепло весны сняло с земли.
Ещё природа не согрета,
Пейзаж ещё недавно спал,
Но праздник солнца, праздник света
Дал к пробуждению сигнал.
В финале Масленой недели
Пришедшие из старины,
Хотя ничуть не устарели,
Как прежде, русские блины
Центральное находят место,
Вновь окружает их почёт.
На вид – изделие из теста,
Но замечает в нём народ
Особый знак, и всё в нём мило:
Округла форма, ярок цвет;
Блин как небесное светило,
Его дороже сердцу нет.
Обычай строго соблюдая,
Пекут блины уже века.
Их роль, казалось бы, простая
На самом деле велика.
Готовят в мартовскую пору

Блины. Уверенность дают
Они, что мир наполнят скоро
Улыбки, радость и уют.
Уходят на год ветры, стужи,
Весна на смену им придёт!
Она согреет нас снаружи,
В душе растопят чувства лёд.

март 2005

«Времени капроновая нить...»

Времени капроновая нить
Землю обернула по спирали.
Люди не в силах изменить,
Как бы они жгуче ни желали,
То, что начертано судьбой.
В жизненной слаженной системе
Недопустим малейший сбой —
Строго следит за этим время.
Несправедлива жизнь порой,
Дикие её законы, странны.
Если отравлен раз покой,
В сердце щемящий след от раны
Не заживает, он глубок.
Прочный, запутанный и длинный,
Время мотает свой клубок.
Нить натянулась паутиной,
Словно ловушка для землян.
Время опутало планету,
Всюду расставило капкан,
И от него спасенья нету.
Выберешь путь ты напролом
Или укроешься в траншее —
Время затянет нить узлом,
Крепкой петлёй на слабой шее.

2005

Лунный танец

сонет

Когда солнце укрылось в чертог,
Ночь была беспросветной вначале,
Но рассеял туманы печали
Лунный диск, так задумчиво строг.

Узкий луч через воздух пролёт,
И на чёрном небес покрывале
Пара крылышек тонких мелькали.
То был хрупкий ночной мотылёк,

Редкой прелести, хоть и неброской,
Озаряемый слабой полоской
Света полной молочной луны.

Он парил, словно сумрачный гений,
Словно призрак неясных видений,
Что приходит порой в наши сны.

2005

Мой великий и могучий друг

На свет человек появляется лишь —
Язык ему дан небесами.
Однако молчит несмышлёный малыш
Сначала. Ведь в памяти сами
Слова не возникнут, и гладкая речь
Из уст не выходит покуда.
Но время пройдёт, и он станет беречь
Её как бесценное чудо.
Сама я когда-то, родившись едва,
Сперва оставалась малюткой
Безмолвной, не знала моя голова
Ни буквы. Но с трепетной, чуткой
Душой я училась. Я слушала мать,
Родных, и случайную фразу
Я жадно ловила, надеясь понять,
Хотя удавалось не сразу.
И я, различая оттенки всех нот
В их голосе, глядя на лица,
Ждала, когда форму язык обретёт
И смысл для меня прояснится.
А он, что обычно «могуч и велик»,
Был добрым к ошибкам ребёнка.
Он с теми серьёзен, кто цели достиг,
Кто мыслит и чувствует тонко,
Кто дань за науку способен вернуть,

Уже находясь на вершине.
Но долгий ещё ожидал меня путь,
На старт я ступала отныне.
С улыбкою я вспоминаю теперь,
Как русский язык шаловливый
Тогда примерял, словно сказочный зверь,
Все образы, «шкуры» и «гривы».
Забавной казалась мне эта игра,
Хотя и нелёгкой отчасти.
Скрывался то в пламени он у костра,
А то у животного в пасти,
И в булочной лавке хрустящий язык,
И даже язык из металла
На молнии сумки... Повсюду проник
Проворный плутишка! Искала
В обличиях разных его я вокруг,
Умело он прятался крайне,
И целую свиту из преданных слуг
Язык приобщал к своей тайне.
Им в маску был каждый почти облачён,
В словах притаилась загадка:
Омограф один, а другой омофон.
Значений не меньше десятка
Имеют они, и в причудливый хор
Сливаются в речи. Проказам
Таким удивляюсь ещё до сих пор.
А в детстве моём с каждым разом
Я, в хитростях их разобратся стремясь,
Сильней увлекалась, смелея.

Иная манила меня ипостась:
В сознании зрела идея,
И вспыхнула вскоре, меня озаря.
Успехов казалось мне мало,
Хотя я постигла азы букваря
И бегло довольно читала,
Я знала уже алфавит наизусть.
Какой же тогда недостаток
Лишал меня счастья? И что же за грусть
Терзала мне сердце? Но краток
Ответ оказался! Страницы чужих
Талантливых произведений
С восторгом листала я, но не утих
Мой собственный «творческий гений».
Он рвался наружу, и не было сил
Держать его крепко и грубо.
Душевный порыв тот меня изводил
Больнее, чем режутся зубы!
Напрасно я время теряла сама:
Исполнилось года четыре —
Достойнейший возраст, и хватит ума
Писать всех прекраснее в мире!
Желаньем пытливым был разум согрет,
Я строить пыталась упрямо
Свой первый вполне грандиозный сюжет.
С трудом расшифровывать мама
Могла закорючки начертанных строк,
Нестройно плясавших в тетради.
Со временем почерк стал ясен и строг.

Я много работала ради
Того, чтобы в прозе мой слог зазвучал
И рифма в стихах зазвенела.
Конечно же, это отнюдь не финал,
Ведь нет совершенству предела!
Ведь русский язык так бездонно глубок!
Сюрпризов полны его недра.
Но в ловких руках, как волшебный клубок,
Подсказки подарит он щедро.

2007

«Последний класс поспешно пролетел...»

Последний класс поспешно пролетел.
Вперёд уже несётся время снова.
Мы действий наших всех, всех наших дел
Сегодня подвести итог готовы.
Мы важного достигли рубежа.
Хотя промчалось детство без возврата,
О мире школьном память так свежа,
Так чувствами приятными богата!
Мелькали сотни дней календаря,
Мы постепенно, медленно выросли.
Гимназии родной благодаря
Мы сознавать свои учились цели,
Мы развивали ум, смекалку, речь,
Открытий совершали мы немало.
Имели что, старались мы сберечь,
Но новое нас также привлекало.
Мы получали знаний клад от тех,
Кто отдавал нам силы, не жалея,
Кому за труд нелёгкий наш успех
Любых наград дороже и нужнее.
Учителя... Я вовсе не солгу,
Сказав, что их профессия бесценна.
Мы перед ними все навек в долгу

И преклонить обязаны колена.
Когда ступает робко на порог
На школьный несмышлёная малютка,
Так важно, чтобы кто-нибудь помог
Ребёнку, относился чтобы чутко
К его заботам, чтоб на верный путь
Направил его мысли и поступки,
Давал советы чтобы кто-нибудь...
Ведь души детские всегда нежны и хрупки,
Они как мягкий, гибкий материал.
Рукой заняться ими надо ловкой,
Чтоб человек достойным вырастал.
Нам школа служит к жизни подготовкой.
За годом год мелькал, за классом класс.
Учёба проходила не впустую.
Горячую признательность от нас
Гимназии любимой адресую.
Умело в каждом личность распознав,
Велели нам поддерживать друг друга,
Тех исправляли, кто бывал не прав,
Учителя. Их велика заслуга.
Воспитывали нас так много лет,
Нам трудно бы пришлось без их опеки.
Им искреннее слово – наш ответ:
«Уроки ваши помним мы. Навеки».

2006 – 2008

Этот город ...некоренным москвичам посвящается

Этот город – России столица.
Лишь с вокзала ступив на перрон,
Ты заметишь угрюмые лица
И, унылой толпой окружён,
Повинуясь людскому потоку,
Устремись в подземный тоннель,
Где толкают и сзади, и сбоку...
Для приезжих на пару недель
Этот город тоскливый и серый,
Быстро в шуме его устают.
Но наполнен надеждой и верой
Он для тех, кто, найдя в нём приют,
В этой спешке стал смел, а не робок,
К суматохе привычен и впредь
Неизбежное зло вечных пробок
Философски настроен терпеть.
Этот город в огнях вечерами,
По утрам воздух тих, даже свеж...
Он в своей переменчивой гамме
Не один явит лик и рубеж.
Человек изначально лишь глина:

Кто-то схватит удачу за хвост;
Здесь легко, как с крутого трамплина,
Взяв разбег, дотянуться до звёзд,
Но едва ли не легче намного
Здесь безвестно и глупо пропасть.
Впрочем, мне ли Москву судить строго?
Ведь сама я теперь её часть...

2009

Надвременное фрагменты памяти

I.

Между книжных страниц я нашла
Тополиный засушенный лист.

...Помню, воздух был влажен и чист,
Я к коре прислонилась ствола,
Древесины шершавость щекой
Ощутила... От веток листок
Отделила я. Тополь высок,
Грациозен. Шёл дождь затяжной.
Бесконечный поток, морося,
Словно лил из небесной дыры,
И водой безгранично щедры
Были тучи. Я вымокла вся.

II.

После долгих скитаний домой
Я заехала так мимоходом.
Я жила здесь, отсюда я родом,
Город мой. В высшей степени *мой*.
Он мне дорог своими дворами,
Каждой тропкой в его скромной роще.
И, казалось, что может быть проще,

Чем навеки остаться здесь? Дrame
Жизнь подобна с нелепым сюжетом,
И мечте вопреки мы рассудку
Подчиняемся. Лишь на минутку
Я задумалась. Робко при этом
Тополиный листок взяла в руки.
В милом городе меньше недели
Пробыла я; те дни пролетели —
Снова тянутся годы разлуки.

2005 – 2018

Алюминиевое сердце

Автоманифест самоощущение на момент первого издания этого цикла

Поэзия – это не цель жизни, а её следствие. Ведь что ещё остаётся делать с мыслями, лезущими в голову по разным поводам, кроме как рифмовать их?

Читая мои стихи, не стоит провозглашать меня поэтом и наклеивать на меня ярлык человека, предназначенного исключительно для написания лирики. Если мне посчастливится войти в историю, я сделаю это благодаря достижениям на других поприщах, а литература останется одним из попутных моих талантов.

Не следует также делать из этого сборника выводов о моей личности и моём мировоззрении. Далеко не все стихи навеяны пережитыми мной событиями и эмоциями, часто я доношу в своём творчестве идеи, которые нахожу интересными, но вовсе не всегда разделяю сама.

Кроме того, многие стихи созданы мной по решению, а не спонтанно. Вдохновение ценит меня за то, как гостеприимно я обхожусь с ним, если оно посещает мой дом без при-

глашения, и в награду за это никогда не отказывает явиться по вызову.

Наконец, порой форма подсказывает мне содержание. Случайно обнаруженные удачные рифмы и понравившиеся жанры становятся поводом сочинить подходящий под них сюжет.

С учётом вышесказанного, читайте и наслаждайтесь.

Псевдогерой

Он был рождён для участи героя,
Чьи подвиги и доблестны, и правы.
Любил, когда рукоплескали стоя
Ему в лучах величественной славы.
Любил он путешествия и цели,
Свободный ветер, дикие пейзажи.
Ему фасады улиц надоели,
Их предпочёл не знать бы вовсе даже.
Средневековый рыцарь жив поныне,
Романтиком он мог считаться вроде...
Но чтил он деньги, ездил в лимузине,
Наряженный с иголочки по моде,
Он в казино за рюмкой и сигарой,
Мечтая втайне встретиться с царевной,
Смеялся вслух над всякой сказкой старой
С приятелем в беседе душевной.

2007

Зебра

Мы как будто блуждаем впотьмах,
И с отвагой отчаянно-прыткой
Мы, с судьбой бессознательно споря,
Побеждаем естественный страх.
Оправляясь от каждого горя,
День встречаем лишь новой попыткой.

Цель преследуем, словно мишень:
Строим планы мы дерзко и смело,
Ждёт свершений нас целая бездна.
Но порой всё идёт набекрень,
Из рук валится каждое дело,
И бороться тогда бесполезно.

Жизнь ведёт нас неровным путём:
То окажется грубой и хмурой,
То вдруг станет приятной и гладкой.
Справедливо её назовём
Африканскую зеброй – лошадкой,
Полосатой известною шкурой.

Переходит с галопа на рысь,
Замирает, как статуя, стоя...

Не потерпит седла её грива.
Сколько с волей её ни борись,
Своенравна, упряма, строптива,
Покориться заставит героя.

2008

Насильно мил не будешь

Ты можешь мне дарить браслеты,
Водить меня по ресторанам,
Петь серенады можешь мне ты
В припадке страсти полупьяном,
Мне можешь посвящать поэмы
И слать признанья нежной прозы,
Беречь те фото, вместе где мы,
Охапками носить мне розы,
Достать звезду ты можешь с неба...
В твоих стараньях толку что мне?
Тебя не видеть лучше мне бы.
Насильно мил не будешь, помни.

2008

Волчий цикл

1. Протест культурологам²

Обратиться хотел бы я к людям,
Чтобы голос логики умолк.
И давайте мы на миг забудем,
Что немым быть должен дикий волк.
Откажусь от этого я долга,
Навязали мне его вы зря.
С вами побеседую недолго,
Ваши предрассудки разоря.
Ведь для вас незыблемая норма,
Что безумен я; гласит закон,
Будто кроме логова и корма
Я иных потребностей лишён.
Думаете вы несправедливо,
Будто слишком разум ваш велик,
Будто ваша лишь прерогатива
Ваш хвалённый грамотный язык.
Не решаю я, как вы хотели,
Вами же придуманных проблем —
Значит, мои ценности и цели
Только в том, что я дышу и ем.
Неизвестна мне осталась, к счастью,
Ваша образованная речь,
Но рычащей и зубастой пастью
Разговором вас смогу увлечь.

² Стихотворение написано в качестве ответа преподавателю по культурологии, сказавшему на лекции, будто животные отличаются от людей тем, что первые не в состоянии осознавать конечность своей жизни.

Объясню я вам, что вы не правы:
Видим мы обычно наперёд
Хитрости все ваши и облавы,
Нам порой смешон людской народ.
Расскажу я вам про волчью стаю,
Как в лесу дремучем я живу,
Как, клубком свернувшись, засыпаю,
Сытно поохотившись, во рву.
Если же сведёт желудок голод,
Иногда всю ночь я не засну.
Каждый волк, хоть стар он или молод,
Выть привык на полную луну.
Русский и китайский вы учили,
Греческий и хинди непростой,
Можете писать на суахили,
Только не постичь вам волчий вой.
Нет в нём грамматических спряжений,
Ни артиклей нет, ни падежей,
Но пока ещё не найден гений,
Кто бы разобрался в нём. Свежей,
Искренней он между тем и проще
Человеческих двузначных слов.
Стоит вдруг ему раздаться в роще,
Как любой откликнуться готов.
И его подхватят все собратья,
Голоса сольются в общий хор.
Попытаюсь всё же передать я
Смысл, вам неясный до сих пор.
В нём печаль глубокая, поверьте.

Бесконечно время тянет нить,
Ощутима ясно близость смерти,
Что никак нельзя предотвратить.
Дыбом шерсть поднимется на холке,
Сердце сдавят крепкие тиски...
Хрипло, безнадежно воют волки,
И друг другу тем они близки.
Это постоянный поиск смысла,
Чья отгадка вечно далека.
Каждого из вас нередко грызла
Эта волчья странная тоска.
Возразите вы с улыбкой гордой,
Что в словах могу вас обмануть.
Ухмыльнусь в ответ я серой мордой:
Форма не изменит дела суть.
Мы не строим статуи и замки,
Ни поэм не пишем, ни картин,
Кружева не вяжут наши самки,
Но для вас и нас исход один.
Неприменно надо неужели
Тратить силы на напрасный труд,
Чтобы душу в нас вы разглядели?
Люди нас иначе не поймут?
Вы припорошите сладкой пудрой
Безотчётный свой животный страх.
Ну а *мы* с покорностию мудрой
Коротаем срок земной в лесах.
Дорожить своей пушистой шкурой
Научить детёнышей спешим —

Вы обогащение культурой
Детям завещаете *своим*.
Слушают *и нас, и вас* потомки.
Небоскрёб воздвигли вы, пока
Нам служил жильём кустарник ломкий.
То взлетали вы под облака,
И луну не воем вы, а телом
Достигали, то морское дно
Бороздили вы в порыве смелом...
Не нашли вы счастье всё равно.
Много ли в успехах ваших толку?
Не замедлить жизни резвый бег,
И подобен совершенно волку
По своей природе человек.

2008

2. Белая волчица³

*Недоверчивой быть жизнь давно приучила меня.
С детства место своё не умела я в мире найти,
На других не равнялась, завет материнский храня.
Своему оставалась верна непростому пути,
Предрекая себе, что когда-нибудь я набреду
На свою уникальную, неповторимую цель.
Вряд ли что-то сначала мою предвещало беду.
Я росла, развиваясь нормально с теченьем недель.
Как положено, нюх мой был чуток, а глаз мой остёр.*

³ Автор идеи – Анисимова Дарья Дмитриевна.

Но с рождения жребий мне выпал отличный от всех:
Даже внешне среди серых братьев и серых сестёр
Выделял меня белый, породе несвойственный мех.
Может, это отчасти одна из глубоких причин,
По которым я в стае себя ощущала чужой.
Хотя наш коллектив всегда дружен и очень един,
Не давал подозрений мне, будто бы в нём я изгой.
Отчего бы гармонию с миром тогда не достичь?
Ведь едва ли когда-нибудь я попадала впросак,
На охоте ловила обычно немало добыч,
За мной даже ухаживал часто наш гордый вожак,
Воспитала не раз я потомство здоровых волчат.
Мои годы текли безмятежны и в целом легки.
Так каков же неведомый фактор тот, что виноват,
Если мне не хватало чего-то всему вопреки?
На край леса порой уходила я ночью одна,
От сородичей место любимое грёз моих скрыв.
Становилась оттуда тогда жизнь иная видна.
От селений людских отделял нас холмистый обрыв.
И неясное чувство сжимало мне сердце внутри:
Почему-то меня туда неудержимо влекло.
Повторяла притом: «Не поймайся в их сети, смотри,
Ведь давно в их душе притаилось коварство и зло».
Убеждала я вечно себя: «Прекрати, перестань,
Кроме бед неизбежных тебя ничего там не ждёт».
Но смотрела сама всё равно на запретную грань,
Не желая назад и ступить не решаясь вперёд.
А потом наступил этот вечер в разгаре зимы,
Тихий вечер морозный... Весь шум посторонний умолк,

*И на узкой тропе в чаще леса столкнулись вдруг мы —
Ни враги ни друзья, человек посторонний и волк.*

Был мне фауны мир и понятен, и близко знаком.
И хотя не касался ремёсел подобных никак,
Я зоологом слыл, величали меня лесником...
Относился я к расе особой свободных бродяг.
Браконьеров, охотников я ненавидел всегда,
Мне с животными общий найти удавалось язык.
Путешествуя и созерцая их, я без труда
В неизвестные тайны природы отчасти проник.
Жил я долго в степях, не стремился уехать я вдаль,
Но в лесах тех окрестных – какой их участок ни тронь —
Изучил каждый метр квадратный, любую деталь
Я исследовал, как хиромант постигает ладонь.
...Удивительно мне, что случилось в тот памятный день.
Вероятно, вмешаться решился насмешливый рок,
Потому что скопился известный маршрут набекрень,
Чёрт попутал мне мысли и в чашу нежданно увлёл.
Незаметно сгуститься успела вокруг темнота,
Я искать продолжал безуспешно дорогу назад,
Но безлюдна та местность была, безнадёжно пуста,
И бродил я, растерянный, страхом невольным объят.
Вдруг прорезали мрак огоньки двух горящих щелей.
Догадался я, что предо мной пара хищника глаз.
Волчий взгляд представлялся мне жёстче гораздо
и злей —
В этом взоре, ко мне обращённом, напротив, не гас
Любопытства разумного ясный, загадочный свет.

Поразительна самка, что мне повстречать довелось!
Показалось мне сразу, что знал я её много лет,
Что со стаей своей непременно жила она врозь.
Её облик отличен от прочих клыкастых зверей,
Я отметил её необычную белую масть.
Впрочем, вряд ли цвет шкуры её сделал к людям добрей,
И, надежду оставив, готовился я уж пропасть:
Безоружным волчицу нет шансов совсем побороть,
Суждено быть растерзанным если сегодня – ну что ж! —
Пусть хоть зверя насытит моя обречённая плоть,
Раз над ниткою жизни моей занесён неминуемый нож.
Безразличный к дальнейшему, словно к земле я прирос.
Я не смел шевелиться, и взгляд я не мог отвести,
Состояние это похоже на дивный гипноз.
И, застыв, всё стояла она у меня на пути,
Ряд зубов – острых лезвий своих – обнажив,
То ли это улыбка была, то ли страшный оскал.
Шли минуты гурьбой. Билось сердце. По-прежнему жив,
Я с нелепой надеждой развязки истории ждал.
И со мной приключилось одно из волшебных чудес.
Встреча в чаще ночной подарила мне странный союз.
В сказке Лис некий термин, что ныне исчез,
Объяснял: приручить означает создание уз,
Означает единственным стать на огромной Земле
Для кого-то, кто нужен, как воздух, отныне тебе.
В чаще зимнего леса, в морозной заснеженной мгле,
Это термин забытый стал правдою в нашей судьбе.

Дни, наставшие следом за тем, – это лучший этап

Моей жизни, что смысл высокий с тех пор обрела.
В час урочный взяла за привычку спешить со всех лап,
Километры пространства пронзая быстрее, чем
стрела,
В предвкушении встречи бросая дела впопыхах.
Трепетало в волнительной радости сердце моё.
Инстинктивный врождённый теперь потеряла я страх:
Позабыла про смерти источник совсем – про ружьё,
Позабыла про правило главное волчьих племён —
Осторожность и бдительность, что охраняют наш
путь.

Повелось полагать среди нас: кто хитёр и силен,
Не удастся врагу покорить того, ни обмануть.
Но с недавней поры я жила по законам иным,
Их в роду моём не соблюдают и не признают.
Недоверие к людям рассеялось, будто бы дым.
Посещал мой знакомый нередко лесной мой приют,
Добровольно бок о бок ступала за ним каждый шаг,
И постичь моя логика в этот момент не бралась,
Почему для родни моей дальней – домашних собак —
Поводок применяют, чтоб эту поддерживать связь.
Ведь дорожке всего, когда рядом с тобой идёт друг,
Без малейших сомнений себе отдаю я отчёт,
Что ни с чем не сравнится тепло человеческих рук,
Когда ласковый жест вдоль по шерсти твоей проведёт.
Иногда наносила и я ему встречный визит,
Пробираясь в селение после заката тайком, —
Ведь людей появление дикого зверя страшит.
Но товарищ меня запускал, не колеблясь, в свой дом,

*Позволял на уютной подстилке в прихожей мне лечь,
Угощений давал, наливал для меня молока.
И уверена я, что помимо тех памятных встреч
Моя жизнь остальная, пожалуй, одна лишь строка,
Ничего ни великого в ней, ни достойного нет,
Кроме нашего столь дорогого знакомства в пургу.
Мои чувства тогда мне открыли внезапный секрет.
Ожидала ли я, что любить я так сильно могу?*

Ожидал ли я, что так устроены души волков?
Поднесла мне подруга пушистая редкий сюрприз.
Я кормил её, и в непогоду давал я ей кров,
Отвергая идеи, чтоб зверь человека загрыз.
Безграничную преданность я обнаруживал в ней.
Отношением этим я был и доволен, и горд,
Ощущая, что ценностей всех для неё я нужней,
Для неё господин я, хозяин, властитель, милорд.
Но, с другой стороны, становилось мне страшно подчас,
Я предвидеть боялся, какой предстоял нам финал.
Тяготил меня разум глубокий пронзительных глаз,
И подолгу я с ней оставаться вдвоём избегал.
Ведь воинственный дух не бывает в животном убит.
Может, длится притворство, что хищник так кроток и мил?
Но смущал меня Лиса из сказки закон, что гласит:
«Навсегда ты в ответе за тех, кого ты приручил».
Я питомца бы прочь ни за что не решился прогнать,
Пусть питомец мой даже источник свирепых угроз.
Всё же дружба такая особую носит печать,

И грядущего я опасался построить прогноз...

Если б кто-то спросил, то сказала бы я, не тая,
Что счастливой себя ощущала в те зимние дни.
Но тебя у меня отнимала работа, семья,
К сожалению, мы в целом свете отнюдь не одни.
Возразил бы, конечно же, ты мне, что ревность слепа,
Что владеть безраздельно тобою мечтала я зря.
Для меня безнадежно пустой становилась тропа,
Когда ты уходил, себя прочим знакомым даря.
Безудержно хотелось мне мчаться тогда во всю прыть,
Чтоб добраться до нас разлучающего рубежа,
И, зажмурившись крепко, к луне подняя голову, выть,
От мороза снаружи и внутренней грусти дрожа.
Я часами сидела на скате канавы одна,
Без посредников я говорила с любой звездой
Или с небом простёртым над миром без края, без дна.
Безысходность и скорбь, боль и горечь

вливались в тот вой.

Проносился он эхом над рядом заснеженных крыши,
Поднимался посланьем к светилу печальному ввысь.
Словно голос просил мой: «Меня этой ночью услышь,
На призыв мой протяжный, пожалуйста, ты отзовись,
В моих мыслях сомнений туман ты ответом рассей,
Опасения ты опровергни. Мне невыносим
Этот страх, убедить постарайся меня поскорей,
Что природы суровый девиз мы с тобой победим,
И, рождённые в разных кругах и для разных задач,
Мы докажем, что нет для любви непосильных чудес...»

*Но ни разу тебя не будил этот горестный плач,
И внимал ему только безмолвием скованный лес.
Ты, наверное, дома смотрел беззаботные сны,
И тебя совершенно моя не касалась тоска,
Чьим свидетелем были лишь блики далёкой луны.
Безразлично взиравшей на волчью печаль свысока.*

Часто выстрелов звук нарушает покой наших мест,
Я устал давно слышать его безнадежный раскат.
И в душе каждый раз поднимался невольно протест,
Но уже эта вещь не из тех, что ещё удивят.
Отчего же в тот день я тревогу не мог одолеть?
И дурное предчувствие в сердце упорно скреблось,
Подсказав, что стал жертвою пули не бурый медведь
И не вечно гонимый толпою охотников лось.
Подчинившись порыву, из дома помчался стремглав,
Даже куртку на свитер надеть не успев впопыхах.
Голос внутренний мой оказался, к несчастью, прав.
Возле логова я в можжевельных ломких кустах
Обнаружил волчицу лежащей недвижно пластом.
Тёмной крови из раны сочилась скупая струя,
Застывая пятном на её белом мехе густом.
Опустился тогда на колени в отчаянии я,
Голова шла кругом, застилала мой взор пелена,
И шептал, как в бреду, бесполезные, впрочем, слова:
«Я обязан спасти тебя, ты в целом мире одна,
Нет замены тебе, и должна ты остаться жива.
Виноват, что от злобы чужой я тебя не сберёг...
Всё исправится, милая, только глаза ты открой,

Ты дышать продолжай»...

Лился слёз безудержных поток,
И мерещилось мне, будто слышу в ответ голос твой:

*Ты печальные ноты из речи своей убери,
Убиваться трагично и клясться сейчас ни к чему.
Помнишь, часто любил ты цитировать Экзюпери,
Полагая, что я всё равно твоих слов не пойму?
Но я истину лучшую знала, что ты не постиг:
Позволяя себя приручить, не избежишь и слёз.
Не нуждаются вовсе животные в чтении книг,
И напрасно вы нас принимать не привыкли всерьёз.
Эту рану в душе моей не углубляй ты и не бери,
И страданиям волю давать ты сегодня не смей.
Ты другим, разумеется, мне воображался среди
Остальных бесконечно далёких животным людей.
Тем не менее разная нас воспитала среда.
Волк бывает, как я, во всех смыслах и бел, и пушист,
Причинить никогда никому не стремится вреда.
Человек же по сути своей всё равно эгоист.
Твоя жизнь представляла собой разноцветную смесь,
Я была на палитре её как один только тон.
Для меня же надежды все, счастье и мир даже весь
Составлял нашей дружбы союз, что отчасти смешон.
Посвятила тебе без остатка судьбу я свою.
Ты лишь малую часть на меня своей ласки простёр.
Но теперь, когда я между жизнью и смертью стою,
Не тревожит пусть совесть твою справедливый укор.
Ошибиться легко людям в тайнах звериных сердец.*

*Но люблю я тебя, и прощать заставляет любовь.
Погорюешь недолго, утетишишься ты наконец,
Хоть пока, надо мною склонившись,
твердишь вновь и вновь:*

Умоляю, родная, открой же скорее глаза,
Ведь не выживу я, если ты так нелепо умрёшь!..

*И, рыдая, сам веришь тому, что в порыве сказал,
Только мне обещаний наивных сомнительна ложь.*

2009

Поздний союз

Были их истории похожи:
Каждый хранил пепел чувств былых.
Он любил. Она любила тоже.
Но теперь огонь любви утих,
Только по привычке тлел он чутко,
Тщетно прежний блеск стремясь сбeречь,
Хоть и утверждала власть рассудка,
Что уже игра не стоит свеч.
Веры больше нет в любовь до гроба.
Впрочем, веры нет в любовь совсем.
И они страдали долго оба
По одной из драматичных схем:
С каждым днём всё меньше в жизни смысла,

Всё темней в глазах сгущалась мгла.
А тоска рвала, душила, грызла,
Разочарований счёт вела...
Безотказный есть закон: страшится
Человек обмана чем сильней,
Тем верней, как раненая птица,
Добровольно ищет он сетей.
Если склеить два разбитых сердца,
Может, незаметен будет шов?
Новых чувств в лучах ещё согреться
Каждый вдруг окажется готов?
...И при встрече первой и случайной
Каждый будет словно виноват,
Прячась под судьбы трагичной тайной,
Бросив друг на друга беглый взгляд.
Вздвогнув от ладоней до затылка,
Примут подстерегшую их страсть
Вновь они доверчиво и пылко,
Чтоб воскреснуть или же пропасть.

2009

Два светила

*Не сблизиться им никогда, они и далёки и близки:
Пока не остынет светило, живёт и страдает*

*Земля.
Игорь-Северянин
Земля и Солнце*

Предусмотрено было в давнишнюю пору
Между парой светил поделить циферблат.
Подчиняясь негласно тому договору,
Они день изо дня, век за веком подряд
Соблюдают исправно дежурства порядок
И нарушить ни разу его не могли.
Каждый бдителен, строг и на отдых не падок,
Точно два выдающихся стража Земли.

Первый путь совершает на запад с востока,
Усыпая лучами небесную гладь.
Хоть порой он бывает палящим жестоко,
И полезней смотреть на него избегать,
Чтоб от искр нещадных глаза не ослепли,
Без него существам тяжело обойтись.
К нему тянут растения ветви и стебли,
Птицы бодро летят в озарённую высь.
Его люди охотно используют тоже:
Выступает он вестником нового дня,
Золотистый загар гарантирует коже
И любой материал накалит без огня.

К горизонту приблизится первый дежурный —
А союзник, готовый нести караул,

Уже свет свой струит тускловатый, ажурный,
Уже мир, убаюканный мягко, заснул;
Мглы кромешной он вмиг разорвёт паутины,
В темноте оживят его блики кровать...
Предпочтут его те, кто имеют причины
Под покровом ночным свои тайны скрывать,
Чьи намеренья либо преступны и лживы,
Либо дух чей окутал романтики флёр:
То есть либо любители лёгкой наживы,
Либо лирики – целы они до сих пор.

Никогда не сбивается очередь, словно
Каждый график по памяти свой знает сам.
Время власти коллегам отмерено ровно:
Тридцать шесть сотен дюжин секунд. Пополам
Поделён между ними циклический срок суток.
Пересечься дано им лишь в сумерек час.
Передачи поста краток тот промежуток
И едва различим для внимательных глаз.
Миг их встречи обычно прохладен и скромен —
Ведь привыкли на небе царить они врозь.
Только изредка мы наблюдаем феномен,
Что затмением звать среди людей повелось.
Воедино сольются два огненных круга,
Станет угол планеты вдруг тёмн и хмур.
Очутятся подобно в объятьях друг друга
На танцполе партнёры при смене фигур.
Но затем, миновать лишь успеет минута,
Как иной разойтись позовёт их мотив.

И уступит один, отклонясь от маршрута,
А другой засверкает, себя обнажив.

Чем сильнее дел земных суета завертела,
Выше тем любознательный ум устремлён.
Два небесных для нас привлекательны тела,
Мы придумали странных немало имён:
Солнце в образе бога, луна же – богини,
Аполлон с Артемидой, Диана и Феб,
И Гелиос с Селеной известны поныне —
Миф давно и надёжно в сознание окреп.
То сестрица и брат, то влюблённая пара —
Их в фантазиях разных рисует народ,
Преклонясь в их лице пред источником жара
И сиянья, что жизнь на планете даёт.
Астрономы используют длинные числа,
Сочинит серенаду мечтатель-поэт,
В них оракул найдёт знаки тайного смысла...
До фантазий людских и заботы им нет.
Им забавно в пустой и бескрайней Вселенной
Сознавать, что их блеск, по задумке Творца,
Уже тысячи лет на Земле нашей брэнной
Вдохновенье и веру вселяет в сердца.
С ними связаны наши надежды и нужды,
И порой помещает их рядом наш взор,
Хоть друг другу они незнакомы и чужды —
Космос бездну пространства меж ними простёр.

Автобиография

Если б могла превратиться я в кошку,
Я б среди хищниц слыла самой доброй:
Я бы охотилась лишь понарошку.

Если б могла обернуться я коброй,
То под холодной чешуйчатой кожей
Нежное сердце б продолжило биться.

Я и на птиц не была бы похожей,
Если б во мне вдруг проснулась орлица,
Я б беззащитных клевать не рискнула,

Как не рискнула бы тронуть и рыбы,
Если б мой разум вмещала акула,
И в океане все стали храбры бы.

Если бы я родилась паучихой,
Я не смогла бы обидеть и муху,
Так и жила бы беззлобной и тихой.

Нет оболочки столь мирному духу.
Всем – чью природу теперь ни изучим —
Я остаюсь существом незнакомым,
Чуждым навеки пернатым, ползучим,
Рыбам, животным любим, насекомым...

Кем мне ни быть, не сумею понять я,
Как допускает насилие совесть.
Хитрой судьбой мне даны те собратья,
Что беспощаднее всех. Люди то есть.

2010

СМЫСЛ ЖИЗНИ⁴

Смысл жизни... Людям до того ли?
Суета их мчит на карусели:
Встречи новые, дела, заботы, роли,
Что наскучить до сих пор им не успели.
Но порой бывают редкие минуты...
Когда ноша выбора повисла,
И под тяжестью её когда согнуты,
На распутье ищем в жизни смысла.

И когда столкнёшься с ликом смерти,
Поразившей родственника, друга;
И когда из вечной круговерти
Вырван ты на редкий миг досуга
(На часах, застывших в дни болезней,
Потянулись черепашью шагом числа),
Не найдёшь занятия полезней,
Чем искать *от скуки* в жизни смысла.

⁴ Автор идеи – Марченко Ольга Петровна.

И когда очутимся мы в храме,
Вознося молитвы, славя Бога,
Дух высокий вновь владеет нами.
И когда судьба накажет строго,
На тебя обрушив лаву горя,
Станет на душе тоскливо, кисло,
И, с самим собой жестоко споря,
Ты, *в печали*, ищешь в жизни смысла.

Этот самый главный из вопросов
Мудрецов веками будоражит.
Но поныне ни один философ
Не приблизился к его разгадке даже.

Кто-то лишь к одной стремится цели:
Чтобы сам он был здоров и счастлив.
Тем, кого чужие судьбы не задели,
Возразят: «Планета вертится для вас ли?
Разве нет у нас иного долга,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.